

И. М. КАСАТКИН

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С М. ГОРЬКИМ)

Публикация В. И. Протченко

В 1930-е годы Институтом русской литературы в серии «Литературный архив» под редакцией известных советских горьковедов С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого были подготовлены к печати три тома издания «М. Горький. Материалы и исследования». В последнем, третьем томе редакцией предполагалась и публикация всех известных писем М. Горького к Ивану Михайловичу Касаткину (1880—1938), хранившихся в личном архиве последнего.¹ Завязавшейся в этой связи перепиской редакции третьего «Горьковского сборника» с И. Касаткиным и объясняется поступление его писем и ряда автобиографических материалов в Пушкинский Дом, на имя С. Д. Балухатого.²

Материалы эти представлены двумя, в известной мере дополняющими друг друга, автобиографическими заметками писателя, библиографией его произведений и литературы о них (то и другое доведено до середины 30-х годов) и краткой заметкой И. Касаткина по поводу некоторых литературно-критических статей, посвященных его творчеству.

Наряду с этим в архиве С. Д. Балухатого имеются ко всем готовившимся к публикации письмам М. Горького комментарии И. Касаткина, посвященные в основе своей также автобиографический характер. В комментариях раскрываются обстоятельства получения И. Касаткиным горьковских писем, в ряде случаев поясняются содержащиеся в этих письмах мысли, вносятся подробности, касающиеся взаимоотношений их автора с младшим современником, высказываний о его творчестве и об общественной жизни России, советов относительно поисков молодым писателем своего места в сложной литературной обстановке начала века.

¹ Письма М. Горького к И. Касаткину хранились в ИРЛИ до 1949 г., когда они вместе с другими материалами горьковского фонда были переданы в архив Института мировой литературы.

² В настоящее время эти материалы и письма Касаткина к С. Д. Балухатому хранятся в ИРЛИ (ф. 25, № 266).

В своих автобиографических заметках И. Касаткин также с особым чувством признательности и сознанием огромной важности для себя дружбы с великим писателем не упускает случая указать на исключительную роль Горького в формировании идейно-творческой направленности его таланта и просто в получении необходимых для серьезного литератора знаний. Характерно в этом отношении, в частности, следующее признание И. Касаткина. «... на протяжении более четверти века, — отмечает он во второй автобиографической заметке, — Горький был, можно сказать, единственным моим учителем в писательском деле. В глухие годы реакции после 1905 года, когда места моего жительства, чаще вынужденного, были довольно удалены от умственных центров, откуда-нибудь с лесопилки, из дикого лесничества, я всегда и отовсюду имел возможность письменно беседовать с Горьким. И никакие книги, никакие образцы художественного слова, быть может, не помогли мне, шедшему в литературу ощупью, столь много и удивительно толково, как помогли эти частые письма в светло-серых конвертах, письма М. Горького из далекой Италии».

По собственному признанию И. Касаткина, за долгие годы переписки, длившейся с 1908 по 1934 г., им получено от М. Горького не менее 70 писем.³ Непросто назвать имя другого советского писателя, творческие и просто человеческие взаимоотношения с которым оставили бы столь же значительный след в эпистолярном наследии М. Горького.

Это неустанное участие основоположника пролетарской литературы в творческой судьбе И. Касаткина — не только яркое проявление горьковского отношения к молодым авторам. Глубоко заинтересованное внимание М. Горького к талантливому выходцу из той части крестьянства, которая подвергалась особенно разорительным ударам капитализма, в нарастающей степени пополняя ряды российского пролетариата и его союзников, следует объяснить не только мотивами, так сказать, профессионально-наставнического характера, но в значительной мере причинами, проистекавшими из горьковского понимания задач новой литературы в условиях настоятельной необходимости революционного преобразования всех основ русской жизни.

С этой основополагающей точки зрения на общем фоне творчества писателей-современников предоктябрьского десятилетия касаткинское изображение русской деревни несомненно заслуживало особого внимания.

Уже на основании первых рассказов И. Касаткина, посланных им в виде газетных вырезок на Капри,⁴ а впоследствии высланных в рукописных вариантах, М. Горький, пожалуй, мог впервые почувствовать заметную близость позиции молодого автора к собственной его концепции деревни — в сравнении не только с писателями старшего поколения

³ Сохранилось, однако, лишь 36 писем М. Горького к И. Касаткину. Судьба остальных до настоящего времени остается неизвестной.

⁴ И. Касаткин выслал М. Горькому в 1908 г. ряд рассказов, опубликованных в нижегородской газете «Судоходец». Среди них были, в частности, рассказы «Нянька» (Судоходец, 1908, 3 и 6 января), положительно оцененный М. Горьким уже в первом письме, адресованном автору его весной 1908 г. (см.: Новый мир, 1937, кн. 6, с. 14), а также «На барках» («Путь») (Судоходец, 1907, 8 и 11 ноября).

(Л. Толстой, Г. Успенский, А. Чехов, П. Засодимский), но и с младшими современниками (С. Гусев-Оренбургский, И. Бунин, Вяч. Шишков). В этом отношении занять место рядом с И. Касаткиным в отмеченное десятилетие могли весьма немногие (С. Подъячев, А. Неверов, И. Вольпов).

Отметим, что рассказы И. Касаткина в ряду произведений даже близких ему «писателей из парода» заметно выделялись творческой самобытностью их автора. Еще более существенным было обнаруженное уже в первых рассказах И. Касаткина отличие его взгляда на деревню от взглядов авторитетного наставника — М. Горького.

При всей общности верного понимания возрастающего влияния на жизнь деревни после 1905 г. передовых политических идей и роста в ней сознательных сил революционного протеста учителя и ученика изначально разделяли принципиальное различие в подходе к социальной сути труженника-земледедца — к проблеме «власти земли». Уже в первом письме к И. Касаткину (весна 1908 г.) М. Горький настоятельно рекомендует молодому писателю «написать ряд небольших рассказов или очерков на тему о том, чем живет, что думает деревня наших дней, какие знаки оставило в душе ее недавнее прошлое».⁵ Собственный взгляд на то, что оставило в душе деревни «недавнее прошлое» — события 1905 г., М. Горький, как известно, выразил в эти годы в своем наиболее значительном и действительно революционном произведении о деревне — в повести «Лето» (1909). Для Горького наиболее косной силой, враждебной не только революции, но и каким-либо светлым проявлениям человеческой души крестьянина выступает «власть земли». «Обняла <...> земля человека черными лапами своими и выжимает из него живую свободную душу, — приходит к выводу герой-рассказчик, — и вот видим мы перед собою жадного раба...».⁶

Под знаком категорического неприятия «власти земли» следует, в частности, рассматривать и предложение М. Горького в письме И. Касаткину от 25 октября 1912 г. написать очерк, тема которого — «противопоставление города и деревни».⁷

⁵ Новый мир, 1937, кн. 6, с. 14.

⁶ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. 8, с. 384.

⁷ Новый мир, 1937, кн. 6, с. 15. В этих суждениях М. Горького есть своя логика. Ведь уже в его ранней статье «Власть тьмы» мы встречаем мысль о том, что «деревенская жизнь не может же создавать характеры добрые и ясные, раз она вся до малейшего движения — борьба за существование, за кусок хлеба» (Горький М. Собр. соч., т. 23, с. 105). Характерно, что в последующих высказываниях писателя о деревне эта мысль получает дальнейшее развитие и уточнение. В конечном счете, по Горькому, ущербность характера и социальной психологии труженника земли обусловлена все же не только и не столько «борьбой за существование, за кусок хлеба». В 1908 г., к которому относится начало его переписки с И. Касаткиным, М. Горький в письме к К. П. Пятницкому делится замыслом задуманной «Истории Кузнецких»: «Эта деревня с ее охотниками, артистами, изобретателями, лавочниками, святыми и кликушами, мечтателями и дельцами. В рамки этой истории я вложу все, что знаю о деревне, все, о чем догадываюсь и что могу выдумать, не нарушая внутренней правды. Беру все это с внутренней стороны как процесс культуры и освещаю на протяжении лет 50-ти» (Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 68). Таким образом, М. Горького совершенно нельзя упрекнуть, будто он не признавал за деревней и ее представителями позитивных начал в социальном прогрессе

По автобиографическим заметкам можно судить, с какой благодарностью и восторгом Касаткин, прошедший уже до знакомства с Горьким суровую школу жизни и классово-борьбы, воспринимал революционный пафос произведений писателя-буревестника. Заметки И. Касаткина убедительно свидетельствуют о том, что не только признание М. Горького высшим авторитетом в литературе того времени; но и внутреннее восприятие его как идейного единомышленника побуждают молодого автора отправить ему на суд свои первые литературные опыты. С самого начала личные и творческие взаимоотношения с М. Горьким сложились для начинающего писателя, «шедшего в литературу ощупью», удивительно плодотворно и счастливо. М. Горький становится не только незаменимым советчиком и тактичным наставником Касаткина-писателя, но и большим другом, неоднократно избавляя своего подопечного от необходимости изнурительной борьбы за кусок хлеба для голодающей семьи и тем самым предоставляя ему возможность для занятий литературой. Ряд равных произведений И. Касаткина увидел свет исключительно благодаря помощи М. Горького — в издательстве «Знание».

Уже в этих произведениях мы обнаруживаем значительный художественный материал для размышлений о соотношении взглядов двух писателей на деревню. Отмеченные самым непосредственным участием в их творческой судьбе М. Горького, эти рассказы вместе с тем довольно отчетливо отражают самостоятельную литературную и общественную позицию их автора, и в частности его интерпретацию проблемы «власти земли». Сошлемся хотя бы на первые три рассказа И. Касаткина, последовательно выходившие в издательстве «Знание»: «В уезде» («Осенний ветер») (сборник XXVII, 1909), «С доюкой» (сборник XXX, 1910), «Село Миккульское» (сборник XXXVII, 1911).

В рассказе «В уезде» мы видим мужика из глубинной деревенской глуши, не считающегося ни с какими усилиями ради осуществления своего настойчивого желания получить книгу «насчет умственного», «насчет того, как вот земля-то округ солнца ходит».⁸

Однако при этом нельзя не согласиться с В. Скобелевым, заметившим, что в этой деревне «есть все, кроме сельскохозяйственного труда и самого земледельца, оказывающегося у Горького вне „процесса культуры“ деревни» (Скобелев В. Спор М. Горького и К. Федина о мужике в 20-е годы. — Русская литература, 1969, № 1, с. 20). Добавим, что и в повести «Лето», как и в «Моих университетах», многие страницы которых посвящены изображению деревни, мы не встретим ни фигуры земледельца в его повседневной жизни, ни занимающих его проблем труда и быта. И в то же время, например, в повести «Лето» автор уделяет достаточно внимания, в том числе в положительном плане, такой мрачной фигуре, как стражник Семен. Это несколько необычное для содержания революционного произведения обстоятельство получает свое разъяснение, как только мы обратимся к общей горьковской концепции деревни. Согласно ей, этот персонаж обладает чертами явного превосходства над крестьянином, приверженным к земле: в прошлом Семен служил в армии, затем в карательных отрядах, он давно «выломился» из крестьянского мира и таким образом порвал с трудовыми и нравственными идеалами «власти земли».

⁸ Касаткин Ив. Избранные рассказы. М., 1957, с. 114, 115. В этом же ряду стоит другой крестьянский персонаж И. Касаткина, ищущий на ярмарке народный календарь «про науку» (рассказ «Торг», 1911).

Такой тип мужика, собственно, уже был знаком русской литературе, беря свое начало в известной мере в образе Ивана Ермолаевича из очерков Г. Успенского. Однако следующим шагом от мужика Г. Успенского, равно как и от горьковского понимания психологии труженика земли, является образ крестьянина-правдоискателя в рассказе «С доукой». Признавая необходимость переустройства «дедовского», дядя Митраш прищипывает разумность такого переустройства лишь при условии, если оно будет осуществлено достойным образом, с сохранением всего ценного, что выработано в вековом опыте народа («Ну, только и без дедовского пудно. Надо штоб... и взамену штоб...».⁹

Дядю Митраша в поисках взыскуемой им правды «заносят» побудительные мотивы заметно иного порядка, чем социальные побуждения предыдущих крестьянских правдоискателей в русской литературе. «Многих после пятого года этак-то заносит»,¹⁰ — замечает кузнец в адрес своего собеседника. Герой И. Касаткина проявляет интерес к книгам уже более определенного характера, все заметнее направляя свои поиски в сторону социально-классовых истин. Вдумываясь в содержание картинки в календаре, изображающей — в соответствии с численным соотношением сословий — огромного мужика и крошечную фигуру дворянина, дядя Митраш замечает: «Ежели за ум взятыся, всю Расию перекроить можно. Которого сословия больше — тому и правёж в руки».¹¹

Г. Успенский в свое время приходил к выводу о том, что самостоятельный, творческий труд крестьянина на земле является едва ли не единственным источником нравственного здоровья и физической красоты труженика. И. Касаткин идет здесь принципиально дальше Г. Успенского (одновременно все более заметно расходясь и со своим учителем). По убеждению И. Касаткина, деятельность земледельца, совершенствуя и закаляя его как творца, одновременно настоятельно понуждает неустанно изыскивать все новые средства и усилия для преодоления неблагоприятных условий труда не только в природном, но и в социальном отношении. «Где это видано, чтоб мужик устал? — заявляет, например, в рассказе кузнец Суслов. — Ему, лешему, дай волю да ход, он в самую середку земли вроеся».¹²

Третий из отмеченных нами рассказов — «Село Микульское» — наиболее значительное произведение, отражающее размышления писателя о настоящем и будущем крестьянства, о его социальной роли в истории страны. По некоторым сценам и сюжетным линиям рассказ заметно перекликается с горьковским «Летом»: те же картины безрадостной деревенской действительности, та же ситуация появления в селе революционных агитаторов, вокруг которых собираются мужики. Однако эти произведения различаются по признакам более существенного, концептуального характера. Касаткину неприемлем взгляд на крестьянина после 1905 г. как на ограниченного приверженца «власти земли», чуждого социальному зову эпохи.

⁹ *Касаткин Ив.* Избранные рассказы, с. 123.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 137.

¹² Там же, с. 126.

Доставленный в село под надзор полиции Григорий Куманьков на свои слова о заслугах и жертвах революционного города в 1905 г. вдруг слышит упрек, проникнутый болью и заботой об общем деле: «Что ни есть заглавную статью забыли ваши-то, коль хошь знать! Мужика-то и в зачет не поставили! Хе-хе-е... Жила тонка, надорвались без него, в нос вам помазать. А и мужик в одиночку немало кишек в те дни порвал! <...> Там — по-своему, по-городскому, значиг, а деревня закрутила по-своему».¹³

И хотя в рассказе И. Касаткина, как и в повести «Лето», силы реакции по-прежнему творят расправу над представителями активной части деревни, в сознании читателя остаются слова неукротимого «безлошадника» Гришки Шитика: «Мужик докучает, во все дыры мужик торкается, продухов ищет».¹⁴

Для И. Касаткина широкое участие обездоленной армии земледельческого труда в общем освободительном движении народных масс — это залог победы будущей революции.

Сколько-либо обстоятельного исследования о жизни и творчестве И. Касаткина не существует. Созданию такого исследования о яркой личности и самобытном таланте писателя, друге М. Горького, думается, может способствовать публикация приводимых ниже текстов его автобиографических заметок и подготовленного им библиографического материала о своем творчестве.

Тексты автобиографической заметки от 22 сентября 1936 г. и библиографических материалов публикуются по машинописи. Подпись — автограф. Текст автобиографической заметки от 24 сентября 1936 г. публикуется по машинописи с авторской правкой и вставками.

1

Касаткин Иван Михайлович. Член ВКП(б) с 1902 года.

Родился в 1880 году, 5 апреля, в дер. Барановице, Костромской губернии.

НЕКОТОРЫЕ ДАТЫ

1880 г. — родился в семье безземельных крестьян. Еще в детстве деревню покинул; в городах родители почти до смерти были нищими. В школах не учился я, грамоту постиг самоучкой и с 8 лет проходил разные «ученья» у кустарей и на пароходах при машинах.

1897 г. — поступил на Сормовский завод слесарем и через два года в Питере работал на Путиловском, затем на электростанции, где начал учиться в подпольных кружках и сошелся с партизанами. 1901 г. — участвовал в демонстрации у Казанского собора. Хранил склад подпольной литературы. На электростанции руководил забастовкой.

¹³ Там же, с. 77.

¹⁴ Там же, с. 79.

1902 г. — вступил в соц.-демократическую организацию и в 1903 г. примкнул к фракции большевиков. Держал связь с заводами. Писал тексты вышедших в Питере прокламаций — первая проза.

1904 г. — в Н.-Новгороде, в квартире Г. Ф. Ягоды, провалился с подпольной типографией и сидел там в тюрьме до 1905 года.¹ Затем участвовал в революции, в боевых дружинах, в боях с реакцией.

1907 и 1912 гг. — дважды был в тюрьме и дважды выслан в глушь, под надзор, где не раз подвергался обыскам и переселениям.

.. В тюрьме и ссылке, начиная с 1904 года, начал писать художественную прозу и начал печататься. М. Горький с Капри пригласил меня участвовать в сборниках «Знание», где я долго и печатал свои вещи; рукописи посылал Горькому, с которым вел переписку всегда.

1916—1918 гг. — Горький послал меня на Западный фронт, во главе отряда по собиранию детей беженцев. На фронте я встретил Октябрьскую революцию. Весной 1918 г. в Москве был инспектором Госконтроля, заведующим издательством ВЦИК и работал в архивах ВЧК. В 1919 г. вместе с В. Воровским организовал Госиздат и был членом редколлегии.

1920 г. — отправился в качестве заместителя особоуполномоченного ВЦИК на фронты, по Северному Кавказу, в Азербайджан, в Дагестан, где были ликвидированы многие банды. Там состоял уполномоченным Реввоенсовета Трудармии. Во время вылазки Врангеля из Крыма я был начальником полевого отделения на Кавфронте.

1923 по 1929 г. — был заведующим литературно-художественным отделом ГИЗа, редактировал журнал «Красная нива», был председателем Всероссийского Союза писателей, председателем Редакционно-художественной коллегии ЛИТО, Председателем литературной секции ГУСа,² при «Известиях» участвовал в организации журнала «Новый мир», и проч.

1932 г. — был ответственным редактором журнала «Земля Советская».

Мое писательство, как видно, очень часто терпело очень длительные перерывы в пользу многих иных дел, связанных с подпольной работой, а в наше время — с работами и должностями, иногда также далекими от писательства. Таким образом, более двух третей всего мною написанного падает на время до Октябрьской революции, причем почти все написанные за этот срок вещи делались или в тюремной одиночке или в тихих местах ссылки.

Москва.

22 сентября 1936 г.

Ив. Касаткин.

Мой писательский путь имеет мало характерных черт для писателя. Этот путь мой в разные времена разными обстоятельствами иногда очень надолго прерывался. Да и вступил я на этот путь довольно поздно и двигался по нему медленно, с остановками, с заскоками в стороны, с хватанием на ходу необходимых знаний, что, вероятно, присуще было всем так называемым самоучкам в прежние времена.

Рожденный в 1880 году, я лет до 14-ти пребывал почти неграмотным. Крайняя бедность родителей, постоянные их метания по городам в поисках заработка, пребывание мое с ранних лет в разных заведениях «мальчишкой» и «в учении» — разных кустарей — тому причина.

Лишь на Сормовском заводе, будучи молодым рабочим-слесарем, я с большим прилежанием схватился за книжку. Разные попадались книжки, часто лубочная и иная дребедень, но я тогда еще плохо разбирался, да и читал не бойко.

В дальнейшем, уже в Петербурге, всячески ликвидируя свою малограмотность в одиночку и в рабочих подпольных кружках, я понемногу стал приобретать вкус к хорошей книге и взялся за самообучение серьезно. С 1900 г<ода> я уже писал стихи «на гражданские мотивы», а с 1902 г<ода>, вступив в партию, не раз пробовал перо свое на писании подпольных прокламаций, — первая моя проза.

В те годы молодо и неожиданно прошумело имя Максима Горького. Первый его томик для меня был чем-то вроде святцев, и я носился с ним по рабочим квартирам как с драгоценной находкой. В рабочих кружках Горького мы читали с огромным, незабываемым увлечением и приветствовали его рассказы как живейший отклик на многие наши думы и помыслы.

Стихи свои я скоро забросил, как «нестоящее дело». Уйдя в подпольную работу, я не оставлял мысли при первой возможности попробовать себя в рассказах. Эта возможность представилась лишь в 1904 году, в Н.-Новгороде, когда я надолго очутился в одиночной камере тюрьмы, арестованный на работе в подпольной типографии, в квартире Г. Ф. Ягоды.

Вот тут, в нижегородской тюрьме, «на досуге» и родились первые мои произведения. Написались бы тут и последующие, но пришла революция 1905 года, освободила меня из тюрьмы и снова бросила в кипучую «практику» жизни. Писания мои прекратились вплоть до 1908 года, когда глухая реакция окончательно уже придушила революцию. Тут, вперемежку между тюрьмой и высылками, вновь стал предоставляться «досуг» для писательства.

Оживление революционного движения в 1912 году ознаменовалось для меня опять тюремной высылкой, а затем высылкой в тихие места,³ на лесной Керженец,⁴ где удалось поработать немало. Но настичная война 1914 года как-то сразу и надолго вы-

била перо из рук. А затем, следом за Октябрьской революцией, тоже пошли годы, в которые никак невозможно было сесть за писательский стол.

Оглядываясь назад, видишь, что почти две трети всего, мною донные написанного, есть главным образом плод «бездельных» лет реакции, и лишь оставшая треть сделана за все остальные годы, в которые случались все-таки промежутки, хотя бы и с наскоку, взяться на некоторое время за перо. Из такой прерывистой писательской практики моей можно бы вывести заключение, что так называемое творчество «давалось» мне лишь тогда, когда я длительно был свободен исключительно для этого дела.

Большую, быть может решающую, роль в моих писательских шагах сыграл М. Горький. В 1907 году из костромской глуши лесной послал я ему на Капри те первые мои рассказы, которые написаны были перед 1905 годом в нижегородской тюрьме. С этого времени сразу я и стал печататься в сборниках «Знание» и во всех тех столичных журналах, которые рекомендовал Горький.

С того времени и на протяжении более четверти века Горький был, можно сказать, единственным моим учителем в писательском деле. В глухие годы реакции после 1905 года, когда места моего жительства, чаще вынужденного, были довольно удалены от умственных центров, откуда-нибудь с лесопилки, из дикого лесничества, я всегда и отовсюду имел возможность письменно беседовать с Горьким. И никакие книги, никакие образцы художественного слова, быть может, не помогли мне, шедшему в литературу ощупью, столь много и удивительно толково, как помогли эти частые письма в светло-серых конвертах, письма М. Горького из далекой Италии.

Наша литературная молодежь ныне растет и развивается в несравнимо благоприятных, совершенно иных условиях. Мыслимо ли было нам в свое время даже мечтать о таком массовом движении к высотам художественного слова. Литературные кружки, творческие группировки, дискуссии, съезды, помощь партии, правительства, товарищеская всякая поддержка и дружба, доступность поездов по стране. . .

Мы в свое время росли затерянными одиночками. Буржуазные писатели относились к нам свысока и враждебно. Буржуазная критика неуклонно искажала наше творческое лицо, встречала нас в штыки, а уж о цензуре и говорить нечего.

Личного живого общения с писателями у меня не было, потому что я слишком долгое время жил и работал в глуши, в местах высылки. Лишь в начале империалистической войны, приехав в Москву для издания первой своей книги,⁵ я впервые встретился с М. Горьким, только что приехавшим тогда из Италии. Последующие встречи в Москве с Ив. Буниным, Евг. Чириковым, Ив. Шмелевым и прочими не дали мне ничего, кроме некоторых грустных размышлений. А когда многие из них в военном чаду яростно забарабанили в патриотические барабаны, встречи с ними

оказались и совсем неинтересными. Лишь в наше советское время удалось мне вплотную войти в литературную среду.

Годы царской войны, годы революции и гражданской войны дали мне много живых, замечательных материалов. Но по какой-то, видимо, врожденной моей особенности или склонности — делать всегда что-либо одно — не удалось мне за эти же годы попутно и более действенно заняться и писательством, чтоб так или иначе запечатлеть пережитое.

То, что мною сделано доньше, я считаю лишь пробой пера.

В гражданскую войну я работал на фронтах в ряде ответственных должностей. До фронтовой работы, еще в 1918 году, заведовал первым советским издательством ВЦИК. После, совместно с В. Воровским, реорганизовывал это издательство в Госиздат и был там членом первой редколлегии. Принимал участие в налаживании полиграфии, в сплочении писателей вокруг Госиздата. Командировался А. В. Луначарским в Крым, для привлечения осевших там после Врангеля писателей Волошина, Сергеева-Ценского, Шмелова, Трещева и других на нашу сторону. После длительно и тяжело болел.

С 1923 года был членом многих редколлегий, председательствовал в художественной секции ГУСа, заведовал отделом художественной литературы Госиздата, был председателем Всероссийского Союза писателей, редактировал журналы «Красная нива» и «Земля Советская».

За годы редакционной работы я имел широкое общение с писательским миром. На моих глазах выросли многие талантливые писатели. Не взирая на юный свой возраст, художественная литература стоит у нас на крепких ногах и уже имеет успехи на путях великой переделки мира. Молодое поколение писателей входит в литературу, овеянное свежими ветрами и шумом и громом невиданного строительства. Молодое поколение идет в литературу прямыми дорогами, идет непосредственно из жизни, без проклятого наследия упадочного слововорчения и пустозвонства, густо царившего в литературе в предреволюционное десятилетие.

Своей задачей я ставлю написать большую автобиографическую повесть, охватывающую и старые и новые времена, настойчиво завещанную М. Горьким в его последнем письме ко мне. Материалы давно уже просятся на бумагу и требуют соответствующих условий для работы.

Ив. Касаткин.

24 сентября 1936 г.

Многие письма М. Горького ко мне, к великому сожалению, отчасти затеряны, отчасти в разные времена забраны жандармами и полицией при обысках.

Ив. К.

КАСАТКИН Иван Михайлович. Прозаик. Родился 5 апреля 1880 г.

Книги: 1) Собрание сочинений в 3-х томах. Изд. ЗИФ, М., 1928. Том I. Мужики. 208 стр.; Том II. Волчья песня. 224 стр.; Том III. Кузькина мать. 176 стр.

Отдельные книги: 1) Лесная быль. Рассказы. Изд. «Книгоиздатсельство» писателей в Москве», 1916; 2-е изд. Изд-во ВЦИК, 1919; 3-е изд. Госиздат, 1923; 4-е изд. Моск. тов. писателей, 1927; 2) Петрушкина жизнь. Госиздат, 1920; 3) Путь-дорога. Госиздат, 1920; 4) На барках. Госиздат, 1920; 5) Старое. Госиздат, 1920; 6) Тяпа. Сказка в стихах. Госиздат, 1923; 2-е изд. Л., Госиздат, 1924; 7) Деревенские рассказы. М.—Л., Госиздат, 1925, 238 стр; 8) Тюли-люли. Изд. журн. «Прожектор», М. (первоначально печаталась в «Кр. новн», 1923, кн. 4); 9) Село Микульское. М., изд. «Недра», 1925; 10) Старинушка. Рассказы. М., Изд. «Крестьянской» газеты», 1925; 11) На барках. Рассказы. Изд. ЗИФ, 1929.

См. еще рассказы и повести в ряде сборников «Знание» («Северные записки», «Современник», «Новое слово», «Свободный журнал для всех», изд-во «Жертвы войны»), в журналах: «Просвещение», «Заветы», «Северные записки», «Современник», «Новое слово», «Свободный журнал для всех», изд-во «Круг», «Красная новь», «Красная нива», «Красноармеец», «Прожектор», «Крестьянский журнал», «Правда», «Беднота», «Новый мир» и пр.

Критика: Л. Клейнборт. Беллетристы-самоучки. М., «Современный мир», 1916; Он же: Очерки народной литературы. Л., «Сеятель», 1924; Г. Устинов. Иван Касаткин. «Прожектор», 1924, кн. 11; Свободов Л. Ив. Касаткин. «Нижегородская коммуна», 1926, № 5; А. Дивильковский. На трудном переломе (о крестьянских писателях). «Новый мир», 1926, № 7; В. Евгеньев-Максимов. Очерки новейшей русской литературы. Л., Изд. 3-е, 1927; А. Ревякин. И. М. Касаткин. «Крестьянский журнал», 1927, № 8; И. Кубиков. Литературные очерки. М., Изд. «Федерация», 1929; И. Кубиков. Предисловие к собранию сочинений Ив. Касаткина. М.—Л., ЗИФ, 1928; Г. Федосеев. Художник деревни Ив. Касаткин. «Красная новь», 1929, кн. 19; Г. Федосеев. Иван Касаткин. «Земля Советская», 1932, № 9; Кл. Рыжиков. Тайна оптимизма. (О рассказах Ив. Касаткина). «Молодая гвардия», 1934, кн. 3; письма Горького и пр.

Рецензии: О книге «Лесная быль»: «Книга и профсоюз», 1927, № 5; А. Ревякин. «Известия», 1927, 15 апреля; «Беднота», 1927, 4 июня; «Известия», 1927, № 132; П. Смирнов «Красная новь», 1927, кн. 4; «На вахте», 1927, № XXIII; «Новый мир»,

1927, № VII; Н. Замошкин. О книге «В уезде»: «Беднота», 1926, 16 мая; О книге «Волчья песня»: «Красная новь», 1928, VI; Н. Богословский. О книге «Кузькина мать»: «Красная новь» 1923, VIII; Сем. Розенталь. О собрании сочинений (тт. I—III): «Красная новь», 1929, XI; «Антирелигиозник», 1929, V; «Рабочий край», 1929, № 95; там же, 1927, IV; Библиографический бюллетень культуркомиссии ЛОСПС,⁶ 1929, VII; Реком^{ен}дательный бюллетень ГПП,⁷ 1929, VI—VII; «Красная нива», 1929, XI; О книге «Мужики»: Реком^{ен}дательный бюллетень ГПП, 1929, XVII; «Бакинский рабочий», 1929, № 78; «Рабочий край», 1929, № 95; Реком^{ен}дательный бюллетень МГСПС.⁸ О книге «На барках»: «Рабочая газета», 1929, № 127; «Рабочий путь», 1929, № 133 <. . .>; «На досуге», 1929, X—XI; «Коммунистический путь», 1929, X; и пр.

Автобиография и биография: Л. Клейнборт. Очерки народной литературы. Л., изд. «Сеятель», 1924; Е. Ф. Никитина. Русская литература от символизма до наших дней. М., изд. «Никитинские субботники», 1926; Вл. Лидин. Современные писатели. М., 1928 и 1930 (два издания); Ив. Белоусов. Литературная Москва. Изд. МТП; Он же. Литературная среда. М., 1928; Антология крестьянской литературы. ГИХЛ, 1931; И. Кубиков. Очерк литературы. М., 1927; Малая советская энциклопедия; Литературная энциклопедия, том V; И. В. Владиславлев. Литература великого десятилетия. Том I (1917—1927). М., ГИЗ, 1928.

Еще книги: Ив. Касаткин. Избранные рассказы. М., ГИХЛ, 1933; этот же однотомник в данное время готов там же к выпуску в дешевом издании, тиражом в 100 000 экз.; Ив. Касаткин. Однотомник избранных рассказов «Так было». М., изд. «Советский писатель», 1935.

Считаю необходимым здесь заметить, что статья А. Ревякина в «Литературной энциклопедии» обо мне (том V) является верхом недопустимой небрежности и всяческой вкривь и вкось словесной пачкотни и путаницы. Писал все это автор в 1930 году, когда он вообще наделал немало всевозможных ошибок и после был подвергнут в разных местах длительной проработке. По поводу этой статьи обо мне в «Л. Э.» впоследствии он приходил ко мне горько сокрушаться и извиняться и оправдываться тем, что-де там вышло много неладного потому, что редакция-де статью почти вдвое сократила. Но... перевернутые заглавия произведений, утверждения, что будто я нахожусь «во власти либерально-демократических настроений», что у меня есть «желание бежать от людей» и прочая чепуха, — это вряд ли получилось от сокращения статьи. Очень бывает досадно, когда такой резвый критик, как А. Ревякин, так препарирует тебя в энциклопедии!

Ив. Касаткин.

23 сентября 1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В свое время в краткой автобиографии И. Касаткин писал об этом эпизоде своей жизни в Нижнем Новгороде: «Там на Ковалихе, в квартире старика Ягоды, с одним товарищем (Иваном Мокруевым) установили типографию и приступили к работе. После выпуска двух-трех прокламаций типография провалилась, нас с Мокруевым арестовали, и тут я надолго — вплоть до 1905 года — просидел в тюрьме» (см.: *Клейнборг Л. М.* Очерки народной литературы (1880—1923): Беллетристика. М., 1924). Из дела «По производству дознания о 2-й тайной типографии», хранящегося в Государственном архиве Горьковской области (ГАГО), явствует, что И. Касаткин в 1904 г., прибыв в Нижний Новгород, по заданию партии быстро установил необходимые связи и организовал типографию на Ковалихинской улице, в доме В. Г. Пермяковой, в котором находилась квартира Григория (Гершена) Фишелева Ягоды (письмо ГАГО от 2 декабря 1981 г. за № 253; см. также: *Харчев В.* Нижегородский период жизни и творчества И. М. Касаткина: Материалы к биографии. — Русская литература, 1971, № 1, с. 121).

² Государственный Ученый совет при Наркомпросе РСФСР в 1920—1930-е годы.

³ В 1912 г. нижегородские большевики получили разрешение на издание легальной газеты «Поволжская быль». И. Касаткин становится членом редакции. По подозрению в принадлежности к социал-демократической партии И. Касаткин в составе всей редакции в апреле 1912 г. был арестован, но за недостаточностью улик освобожден из тюрьмы, с предписанием покинуть Нижний Новгород.

⁴ Река в Горьковской области, левый приток Волги.

⁵ Первая книга рассказов И. Касаткина («Лесная быль») вышла в 1916 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

⁶ ЛОСПС — Ленинградский областной совет профессиональных союзов.

⁷ ГПП — Главное управление политического просвещения (Главполитпросвет).

⁸ МГСПС — Московский городской совет профессиональных союзов.